

## Дом на Валовой и его обитатели

*В Оптине отец Анатолий благословил наше намерение приобрести дом в Сергиевом Посаде, куда мы и переехали жить под покров Преподобного.*

*Ю.А. Олсуфьев*

### **Олсуфьевы**

Свою усадьбу Красные Буйцы в Тульской губернии граф Юрий Александрович Олсуфьев покинул 5 марта 1917 года, взяв с собою икону Тихвинской Божией Матери и святого Николая Чудотворца. С ним в санях была жена, Софья Владимировна, в других санях – сын Миша с няней. «Не доезжая мельничного моста через Непрядву, – вспоминал Олсуфьев, – мы оба оглянулись на дорогу нашу усадьбу, на милый светлый дом на горе... Увидим ли мы его снова и когда, или в последний раз он представляется нашим взорам – таковы были наши мысли, полные грустных предчувствий».

Направились они сначала в Оптину пустынь к своему духовнику старцу Анатолию, затем в Москву. В Оптине отец Анатолий благословил их намерение приобрести дом в Сергиевом Посаде, куда, как писал граф, они «и переехали жить под покров Преподобного».

Граф Олсуфьев, по словам его родственницы А.В. Комаровской, обладал даром предвидения. И его отъезд из усадьбы сразу после Февральской революции – одно из доказательств этого дара. Но почему он направился тогда именно в Сергиев Посад? На землях Олсуфьевых находилось Куликово поле, где в 1380 году произошла судьбоносная битва, о которой А. Блок писал, что она «принадлежит к символическим событиям русской истории. Таким событием суждено возвращение. Разгадка их еще впереди».

Олсуфьевы воздвигли на Куликовом поле храм-памятник преподобному Сергию Радонежскому. Автором проекта был архитектор А.В. Щусев. Строительство было закончено уже после отъезда Олсуфьевых – в 1918 году. (К 600-летию Куликовской битвы храм реставрировали). Софья Владимировна Олсуфьева много сделала для организации при храме монастырской общины и мастерских шитья, сама вышивала для храма хоругви и плащаницу.

«Крестьяне, распахивая Куликово поле, находили оружие, разные старинные предметы и несли их графу, – рассказывал князь Сергей Голицын. – Так у него собрался настоящий музей, в котором была, например, такая ценность, как медный монашеский крест, найденный на Куликовом поле. Из летописей известно, что только два монаха находились в рядах русского воинства – Пересвет и Ослябя. Пересвет был убит в единоборстве с татарским богатырем Челибеем. Следовательно, крест принадлежал ему... Софья Владимировна была глубоко верующей. Когда наступила революция, она видела сон, будто к ней явился святой Сергей и сказал, чтобы она поселилась около его гроба. Она исполнила его волю».

В Сергиевом Посаде Олсуфьевы купили у купца Горяйнова двухэтажный дом (Вальная, 8). А.В. Комаровская вспоминала об этом доме так: «При близости к центру все это место было тихим и укромным. Окнами и крыльцом второго этажа дом выходил на улицу. Справа от него, за глухой оградой, был сад с тенистыми липами, куда выходили два балкона – верхний и нижний. Сад переходил в участок, засаженный яблонями, с огородом и зарослями малины, среди которых шла дорожка, кончавшаяся скамейкой над спуском к небольшому пруду, заросшему ряской. Все замыкалось небольшой полоской земли за прудом, только чтобы его обойти. По ней шел забор, за которым тек ручеек, а за ним пригорок и поле с огородами, через которые можно было пройти к первой железнодорожной будке и ближайшему лесу. С правой стороны поля у переезда глухо шумела небольшая текстильная, бывшая Зайцевская фабрика. С левой стороны пруда в саду стояла небольшая бревенчатая баня, а прямо за домом был двор с двумя каменными сараями, где помещались корова, лошадь, сеновал, дрова. Рядом погреб. Все вместе было образцом усадьбы с необходимым хозяйством.

Сейчас это место вытоптано, оголено, и нельзя понять, что раньше здесь было столько уголков и солнечных, и тенистых...».

Осенью 1918 года была создана Комиссия по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры, и Олсуфьев с первого дня был назначен ее членом. К этому времени он уже имел солидные знания в области древнерусского искусства. Еще во время учебы на юридическом факультете Петербургского университета он дважды побывал в Италии для ознакомления с памятниками архитектуры и искусства. А когда после университета поселился в Буйцах, стал председателем Тульского общества охраны памятников искусства и старины, действительным членом Тульской архивной комиссии, активным членом нескольких ученых обществ России. В 1912–1914 годах он предпринял издание шеститомника «Памятники искусства Тульской губернии». Ежегодно отправлялся в путешествия по старинным русским городам и глухим местам нашей страны, изучал памятники древнерусского искусства в Ферапонтове, Кириллове, Ростове Великом.

По приезду в Сергиев Посад Олсуфьев был озабочен состоянием Троицкого собора Лавры, в котором покоятся мощи преподобного Сергия. Собор был сильно искажен к тому времени, он составил записку о его реставрации и на первом же заседании Комиссии прочел ее. С первых же дней он занялся описями ценностей Лавры: икон и серебряных вещей. Одновременно сразу же пришлось погрузиться в массу административно-хозяйственных дел. Впрочем, слово «пришлось» вряд ли здесь уместно. Олсуфьев просто кипел жаждой деятельности. Тут сказался и его исключительно энергичный характер, и привычка быть хозяином – ведь он около пятнадцати лет занимался хозяйством в своем имени, и занимался успешно. Он находился в расцвете сил – было ему сорок лет.

А между тем жизнь была очень нелегкой: в стране был голод. И весной 1921 года под руководством Ю.А. Олсуфьева образовалась сельскохозяйственная артель. Н.Д. Шик-Шаховская так писала об этом: «Под влиянием голода предшествующих лет и по инстинктивному тяготению "к земле" мы взялись за обработку участка земли. Основными членами маленькой артели были семьи Олсуфьевых, Мансуровых и наша. Главным нашим хозяйственным ресурсом были неутомимая энергия Юр[ия] Ал[ександровича] и собственные наши руки. Нам отвели нераспаханный участок плохой глинистой почвы.

Землю под картошку после вспашки, которая только подняла дерн, разбивали лопатами... Староста нашей маленькой артели – Юрий Ал[ександрович] постоянно кипел хозяйственным азартом, заражая им моего мужа».

Облик Олсуфьева запечатлен в воспоминаниях А.В. Комаровской: «В начале 1920-х годов Ю.А. Олсуфьеву было 40 с небольшим лет. Не очень высокого роста, с сосредоточенным и живым лицом, он, может быть, был похож на крестьянина, когда в зимние времена, в старенькой рыжей барашковой шапке и коричневой куртке, он со знанием дела запрягал лошадь или пилил дрова. Теперь, может быть, странно было бы услышать, как работавшая с ним девушка Саша, помогая ему, почтительно обращалась к нему, называя по-прежнему. Она была воспитанницей приюта, устроенного Олсуфьевыми в их имении Буйцы, откуда они ее взяли, уезжая, с собой. Она жила у них до своего замужества и после того, прожила всю жизнь в современном Загорске и умерла там старой, сравнительно недавно. Помню дядю Юрия всегда занятым или по хозяйству, или спешащим в Лавру на работу. Он держался несколько в стороне от большого круга знакомых, съехавшихся в это время в Сергиев Посад. И случалось, что совсем не выходил к гостям, которых принимала одна жена его, Софья Владимировна. Поэтому, вероятно, некоторые считали его нелюдимым, хотя это было совсем не так. В этом сказывалось его нежелание отвлекаться и рассеиваться в общих разговорах. Софья Владимировна была тогда молодой, но давно себя такой не считала. Она очень рано вышла замуж и в начале 1920-х годов была матерью уже взрослого сына. Высокая, худощавая, немного смуглая – такой изобразил ее В. Серов. Кажется, художник передал главные ее черты – великолепную простоту, полное отсутствие фальши и богатую внутреннюю жизнь. На портрете она причесана по моде 1910-х годов, в нарядном летнем платье. Я же помню ее в черном, повязанном назад платке, крайне просто одетой, спешащей на службу в Гефсиманский скит, или же дома, опустившей голову с прямым пробором над работой. Всегда она была быстрой, бодрой, веселой. Главная ее жизнь была в церкви. Подоив утром корову, она спешила в скит к ранней обедне – расстояние от города около трех километров, – так же торопливо возвращалась, чтобы поспеть к утреннему чаю дяди Юрия перед уходом его на службу. Дальше шел день, наполненный трудами, а летними вечерами они вдвоем еще успевали сходить погулять в поле, начинавшееся в конце улицы, и возвращались в сумерках – бодрые с букетами в руках...

Образы Олсуфьевых, для всех их знавших, неразрывно связаны с окружавшей их обстановкой. Они занимали наверху высокие, всегда прохладные комнаты. Дядя Юрий не выносил жары, придя домой, распахивал дверь на балкон. А сам при этом зимой ходил дома в летней полотняной куртке. Дверь с балкона вела в небольшую проходную столовую с круглым столом и стульями красного дерева с бронзой. На стенах висели старинные фарфоровые тарелки с цветами. По вечерам она освещалась желтоватым светом десятилинейной керосиновой лампы. Наиболее светлые спальня и кабинет были уставлены старинной мебелью павловского времени и полны памятных художественных предметов. На стенах картины, старинные портреты, рисунки, портрет Софьи Владимировны работы Серова. Перед образами в спальне всегда была зажжена большая пунцовая лампада. (Вещи были привезены преданными слугами из усадьбы. Серовский

портрет был впоследствии спасен художником П.И. Нерадовским; почти все остальное было расхищено или сожжено, как сообщает Г.И. Вздорнов. – Т.С.). В комнатах было уединенно, тихо, сокровенно. В такой обстановке, полной красивых, ярких и редких вещей, хозяева их жили требовательной к себе, почти суровой, трудовой жизнью. По словам Сергея Голубцова, по вечерам они ежедневно вычитывали монашеское правило, во всем подчиняться указаниям и советам своего духовника, очень в то время начитанного отца Порфирия, иеромонаха Гефсиманского скита... Помню, с каким волнением и радостью ждали здесь его посещения, сколько было торжественных и вместе с тем скромных приготовлений тети Сони».

Т.В. Розанова видела Олсуфьева и на работе, и дома (она работала машинисткой в Комиссии по охране памятников лавры и в музее): «Обыкновенно Юрий Александрович и Павел Александрович (Флоренский. – Т.С.) брали из ризницы или из фондов музея церковные предметы или книги, делали описи и определяли время их создания... В комнате у них было очень холодно. Я удивлялась их терпению и выносливости, но они, погруженные в работу, ничего не замечали... Таков был Юрий Александрович на работе - всегда подтянутый, аккуратный, исполнительный, молчаливый, погруженный всецело в свои занятия. На собраниях он редко бывал. Таким же молчаливым, серьезным он был дома. Также много работал по вечерам над своими научными трудами. Я часто у них бывала, заходила, главным образом, к Софье Владимировне. Бывало, сижу у нее в комнате, а Юрий Александрович уже зовет ее: "Соня, Соня, поди сюда!" Без Софьи Владимировны он не мог быть ни минуты, всегда ему надо было чувствовать ее присутствие. Иногда я у них оставалась пить чай на веранде, застекленной. С нами садились пить чай его племянница, Екатерина Павловна Васильчикова, и их домашняя работница Саша (сирота, бывшая воспитанница их приюта), которая была им очень предана и очень любила их. Юрий Александрович любил со мной разговаривать и подшучивать, но вообще он был строгий и молчаливый, и особенно не любил гостей, да, правда, к ним редко кто и приходил».

До революции, когда Олсуфьевы имели довольно большие средства благодаря тому, что Юрий Александрович наладил в Буйцах образцовое хозяйство, они широко занимались благотворительностью: построили не только храм, но и детский приют, и школу неподалеку от усадебного дома. Но и тогда, когда средства их стали весьма скудными, продолжали помогать людям. Когда в Сергиевом Посаде тяжело заболел В.В. Розанов, Софья Владимировна постоянно бывала у него. Олсуфьевы присутствовали при его кончине, взяли на себя все хлопоты по похоронам. В одном из последних писем, продиктованных В.В. Розановым, среди лиц, которых он просил позаботиться о его семье, он назвал и графа Олсуфьева. И Софья Владимировна исполнила его просьбу. Она навещала Розановых, подружилась с его дочерью, Татьяной Васильевной. И позже, когда в 1939 году тяжело больная Т.В. Розанова лежала в одной из московских больниц, С.В. Олсуфьева навещала ее, а потом взяла к себе и заботилась о ней.

А тогда, в Сергиевом Посаде, Олсуфьев внес в работу Комиссии свою кипучую энергию. В протоколах заседаний Комиссии отмечено, что в 1918–1919 годах он ставил на обсуждение вопросы охраны Лавры, сигнализации, телефона, отопления, кирпича для реставрационных работ, выбора места для канцелярии, работы башенных часов,

сокращения штатов, создания запаса дров, застекления расчищенных икон Троицкого собора и т.д., и т.п. Осенью 1919 г. Олсуфьев был назначен председателем Комиссии. К этому времени (ноябрю 1919 года) относится запись в дневнике историка Ю.В.Готье, который занимался передачей библиотеки Лавры в Библиотеку Румянцевского музея: «Очень характерно, что за всеми распоряжениями идут к Олсуфьеву: я сам был свидетелем, как его спрашивали, что делать с церковным вином, когда отпирать Успенский собор и т.п. Он произвел на меня впечатление истинного наместника Лавры».

Но весной 1920 года при реорганизации Комиссии Олсуфьев вынужден был подать заявление об отставке. Однако уже в августе Отдел по делам музеев Главнауки пригласил его в Комиссию на важнейшую должность эксперта по древнерусскому искусству.

С одной стороны, такое положение способствовало сосредоточению Олсуфьева на научной работе: он уже не вмешивался в хозяйственную деятельность Комиссии. Впрочем, и в этот период его привлекали к различным работам. Например, он был включен в 1920 году в состав Межведомственной комиссии по отбору вещей в ризнице Лавры для сдачи государству, так что, видимо, ему музей обязан сохранением некоторых ценных в художественном отношении предметов. В 1922 году происходил отбор предметов из золота и серебра для Помгола, от музея в Комиссии были Ю.А. Олсуфьев и В.Д. Дервиз.

Большое участие принимал Олсуфьев в выставках, на основе которых и создавались отделы Сергиевского историко-художественного музея. Для выставки «Древнерусская книга» 1921 года он сделал описание рукописных книг и провел их экспертизу. Выставка «Искусство XIV–XV веков» была проведена в 1924 году по его инициативе, и им написана вступительная статья к каталогу. Нельзя не отметить, прекрасный живой язык этой работы. Автор не пытался объяснить посетителям представленные предметы – он призывал поверить в величие древнего искусства: «В чем заключается эта действенность искусства Византийской культуры второй половины XIV и XV века? Мы сказали бы – в изумительной возвышенности его образов. Вглядитесь в эти гаммы чистых, ярких, сильных красок, блеском которых вас так пленительно озаряют цвета древней русской иконописи, шитья, миниатюры. <...> Вам начинает мниться какая-то чудесная сказка, которой вы когда-то верили. Вы углубляетесь в эту сказку, и по мере удаления от повседневности она постепенно становится для вас реальностью».

Очень жаль, что по условиям времени, когда популяризация церковного искусства, мягко говоря, не приветствовалась, Олсуфьевым написано так мало научно-популярных трудов. К их числу относятся две еще статьи для сборника-путеводителя «Троице-Сергиева лавра»: «Иконопись» и «Лицевые книги и их орнамент». (Сборник «Троице-Сергиева лавра, отпечатанный в 1919 году не поступал в продажу. Благодаря немногим уцелевшим экземплярам его удалось переиздать стараниями М.С. Трубачевой: Троице-Сергиева лавра. М., 2007). В статьях путеводителя Олсуфьев проследил эволюцию этих видов искусства во времени. Он представил развитие иконописи на примере икон Лавры, находившихся как в храме, так и в ризнице. Вершиной, по его мнению, является XV век. Чем ближе русская икона к XIV веку, тем эпичнее она, тем холоднее ее краски, – писал он. – XV век – век Андрея Рублева, воплотившего идеи преподобного Сергия, –

гармоническая цельность. Но вот XV век клонится к закату. На рубеже XV и XVI веков – Дионисий. Теплеют краски, «близится великий век к концу, день уже вечереет, длиннеют тени чудесных видений в воплощении гениального Дионисия, и как прекрасен этот тихий закат».

XVI век – промежуточный, с середины его все больше иконописец стремится золотом, узорами украсить икону, и все больше чудесное ускользает от его взора. Чем больше он старается сделать изображение натуралистическим, тем меньше в нем правды. И, наконец, в XVII веке наступает полный разрыв между стилем и содержанием иконы. Иконопись лишается творческого начала. Век XVIII – уже не икона – картина. Пропать между стилем и содержанием. Икона выражает стиль XVIII века, его вкус.

Олсуфьев считал, что «...надо подходить к иконе, как к чудесному, как стоящему вне нашей повседневной жизни. Только при таком отношении, – писал он, – вы сможете к ней приблизиться, только с таким благоговейным чувством вы сможете услышать ее вещей голос. Икона не картина, где с творчеством вливается долнее... В иконописи мы видим общее объединяющее духовное начало, единый образ красоты, то, что может быть названо святостью, и в том отличительная сторона ее в рядах искусства».

Обращает на себя внимание и то, что Олсуфьев увидел прямую связь между возникновением нового искусства и пониманием иконописи: «Импрессионизм, перенесший центр тяжести восприятия мира на почву эстетизма, дал многочисленные направления или метода выражения в искусстве, вплоть до современного кубизма. И, как ни странно покажется, но импрессионистическое возрождение искусства способствовало пониманию давно забытой русской иконы; только направление, основанное на творчестве и порвавшее с рационалистическим позитивизмом, нашло общий язык с творчеством русского иконописания, занявшего теперь одно из первых мест в области искусства прошлого».

Работа Олсуфьева по договорам в основном заключалась в составлении описей икон и произведений прикладного искусства из серебра, а также в подготовке к печати монастырских документов: Вкладной книги и Синодика 1575 года. Он также вел в 1925 году протоколы расчистки икон, которой занимался реставратор Н.А.Баранов и составил протоколы-сводки расчистки икон, проводившихся ранее – в 1918–1919 годах. В 1924 году Олсуфьеву был поручен отдел искусства XVI века. И тут же он с энтузиазмом занялся вопросами обустройства помещения для экспозиции: обратился в Комиссию с просьбой, чтобы архитектор составил проект переделок и смету. Увидел возле кузницы несколько щитов из толстого котельного железа и три железные двери и тут же предложил их приобрести для ставен и дверей своего отдела. Чувствуется, что подобная хозяйственная деятельность была неотъемлемой стороной его натуры.

А через несколько дней, 24 января 1925 г., Олсуфьева арестовали. Дело об аресте Олсуфьева в январе 1925 года обнаружила в архиве ФСБ И.Л. Кызласова и любезно передала автору выписки из него. Ордер был подписан Генрихом Ягодой. Как видно из материалов дела, арест был связан с намеченной ОГПУ ликвидацией «антисоветской группировки» в Сергиеве. Одновременно или немного позже в Сергиеве были арестованы еще несколько так называемых «бывших»: В.С. Трубецкой, В.А. Комаровский, А.И. и Е.С. Хвостовы.

В защиту Олсуфьева выступил архитектор А.В. Щусев, пославший в ОГПУ такое письмо: «Прилагая настоящую справку Главмузея, я удостоверяю, что Юрий Александрович Олсуфьев лично мне известен более 20 лет как гражданин, всецело преданный науке об искусстве, не занимая официальных государственных должностей, и особенно в последнее время он занимался ценными архивными исследованиями, чрезвычайно полезными для обоснования бытовых СТОРОН ОТРАСЛЕЙ РАБОЧЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ Сергиева Посада, а потому я всемерно ходатайствую о скорейшем рассмотрении его дела.

Москва. Февраля 14 дня 1925 г.

Академик архитектуры, автор Мавзолея В.И. Ленину [подпись]».

В справке Главмузея перечислялись должности Олсуфьева в Комиссии и его труды в ней. Но Щусев, очевидно, счел, что музейные заслуги арестованного в глазах работников ОГПУ мало, что значит, и выдвинул совершенно фантастическое обоснование в его защиту, полагая, что слова «рабочая промышленность» будут иметь вес.

В этом деле Олсуфьева всего два доноса 1924 г.: первый от 12 июля, написанный на основании свидетельств некоего Зайчикова, и второй информатора Костина от 14 ноября. В первом сообщалось, что в доме Зайчикова живет бывший фабрикант Вишняков, и у него собираются лица, как-то князь Голицын, князь Трубецкой, граф Олсуфьев, Шик и Истомин. «Был случай на Троицын день они вели таковое собеседование по вышеозначенному адресу за скромным чаем до позднего времени, вели довольно тихий интимный разговор, подслушать не представлялось возможным».

Во втором доносе его составитель мог только сообщить, что видел иногда Олсуфьева с П.А. Флоренским, идущих вместе и о чем-то изредка переговаривающихся. Он добавлял также, что к этим лицам «по характеру отношения к совласти» примыкает Михаил Владимирович Шик.

На допросе Олсуфьев показал, что никогда не состоял ни в каких организациях, действующих против советской власти, принципиально был против политической деятельности, был занят научными трудами. Среди знакомых в Сергиеве назвал только шесть человек: В.Д. Дервиза, М.Г. Захарова, И.Э. Грабаря, А.И. Анисимова, С.П. Мансурова и А.Н. Свирина, указав: «с этими я очень часто вижусь, есть и другие, более далекие. Вообще я веду очень уединенный образ жизни». Знакомство с Вишняковым и посещение дома Зайчикова Олсуфьев отрицал».

Олсуфьеву пришлось отвечать и на вопрос о местонахождении сына. Он показал, что его сын Михаил работает статистиком в экспедиции на Камчатке. (По сведениям Г.И. Вздорнова, Михаил Юрьевич еще в 1924 г. тайно – через Владивосток и Китай – эмигрировал из СССР).

В постановлении об избрании меры пресечения от 10 февраля 1925 г. записано, что Олсуфьев <...> из бывших дворян «имел связь с контрреволюционными, монархически настроенными элементами, проводил контрреволюционную деятельность в целях свержения существующей советской власти». Однако в заключении от 13 марта записано, что «изобличающих Олсуфьева данных в его антисоветской работе не добыто». И он, узник Бутырской тюрьмы, был освобожден.

По возвращении Олсуфьева на свободу за ним закрепили отдел «Эмали, скань, чернь, финифть, резьба по дереву, металлу, кости».

Руководство музея понимало необходимость введения Олсуфьева в штат и несколько раз ставило вопрос об этом перед Главмузеем. Возможно была надежда, что это избавит его от признания лицом, лишенным избирательных прав. В списке «лишенцев» января 1926 года в графе «Чем занимается в настоящее время», против фамилии Олсуфьева (в подлиннике – Алсуфьева) указано: «Не выяснено», «Причина лишения прав» – «Живет на нетрудовые доходы», а в графе «документы, на основании которых произошло лишение избирательных прав», стоит: «Граф». Это обстоятельство и было, конечно, причиной того, что Олсуфьева и его жену лишили избирательных прав. В 1926 г. Олсуфьева, наконец, руководству музея удалось, наконец, перевести с нештатной должности эксперта на штатную должность старшего помощника хранителя музея с окладом 64 руб. 80 коп.

Несмотря на все передраги, стоило дирекции музея зачислить Олсуфьева в штат, как он снова стал выступать чуть ли не на каждом заседании правления музея, в том числе по хозяйственным вопросам. И одновременно он в 1926 – начале 1928 г. занимался переустройством экспозиции древнерусской живописи и продолжал исследования в области иконописи.

За период 1920–1927 годов Олсуфьевым было опубликовано около двух десятков трудов. Надо сказать, что с самого начала Олсуфьев хорошо понимал необходимость издательской деятельности. Еще 9 ноября 1918 г., то есть через несколько дней после создания Комиссии, он сделал доклад о миниатюрах рукописных книг лаврской библиотеки, представил сделанный им каталог миниатюр и предлагал издать его в красках. А в 1926 г. он подал докладную записку в Правление музея о необходимости издания музейных описей с воспроизведениями предметов, разработав шестилетний план издания. Он предложил начать с книги о троицком резчике XV в. Амвросии. В следующем году и вышла в соавторстве с Флоренским книга «Амвросий, троицкий резчик XV века» (Сергиев, 1927).

А весной 1928 года в печати началась кампания против музея, причем в особую вину его руководству был поставлен выпуск этой книги. В газете «Рабочая Москва» 17 мая 1928 года появилась статья с подзаголовком «Поповские труды», подписанная М. Ам-ий. В ней было сказано: «Некоторые "ученые" мужи под маркой государственного научного учреждения выпускают религиозные книги для массового распространения. В большинстве случаев это просто сборники "святых" икон, разных распятий и прочей дряни с соответствующими тестами... Вот один из таких текстов. Его вы найдете на стр. 17 объемистого "научного" труда двух ученых сотрудников музея – П.А. Флоренского и Ю.А. Олсуфьева, выпущенного в 1927 г. в одном из государственных издательств под названием "Амвросий, Троицкий резчик XV века". Авторы этой книги, например, поясняют: "Из этих девяти темных изображений восемь действительно относятся к событиям жизни из жизни Иисуса Христа, а девятое - к усекновению главы Иоанна.

Надо быть действительно ловкими нахалами, чтобы под маркой "научной книги" на десятом году революции давать такую чепуху читателю Советской страны, где даже



каждый пионер знает, что легенда о существовании Христа не что иное, как поповское шарлатанство.

Питая читателей такой дрянью, засев в стенах этого богатейшего хранилища, мужи всячески препятствовали тому, чтобы запыленные документы о прошлом лавры стали общим достоянием трудящихся масс...»

В тот же день сергиевская газета «Плуг и молот» писала, что Олсуфьев на предложение написать опровержение, что он, Олсуфьев, ни в каких связях с господом-богом не состоит, ответил: «Мои личные убеждения мне этого не позволяют, а на них никто не имеет права посягать».

Но Олсуфьева, когда вышла в свет эта газета, в городе уже не было. Как вспоминает А.В. Комаровская, поздно вечером он увидел свет в окнах милиции и быстро уехал, избежав таким образом ареста. Дар предвидения... А арестовано в мае 1928 года в Сергиеве было более 80 человек.

Дом и большую часть обстановки пришлось Вероятно, даже если бы Олсуфьев не был арестован (что очень сомнительно), далее работать в Сергиевском музее он не мог, так как изменился сам характер музея. Музей стал по сути антирелигиозным, и на заседании Правления музея 24 декабря 1928 года было вынесено решение «издавать только брошюры и другие виды издания антирелигиозного характера с научной подосновой. Изучать архивы и памятники б[ывшей] Лавры применительно к новым задачам музея, а чисто научное изучение предоставить другим научным и искусствоведческим организациям».

Кроме того, как писала «Рабочая газета», заведующий музейным отелом Главнауки Вайнер сказал: «Старший хранитель музея, бывший граф Олсуфьев будет снят с работы и уволен 16 июня – в день своего возвращения из отпуска. К работе в Московском историческом или каком-нибудь другом музее он привлечен не будет».

Однако Ю.А. Олсуфьев не остался без работы. Его как специалиста в области древнерусской живописи пригласил в Центральные реставрационные мастерские Игорь Грабарь. Там Олсуфьев сразу был привлечен к комплектованию заграничной выставки русской иконописи, вместе с А.И. Анисимовым и Е.И. Силиным составил каталог этой выставки, имевшей огромный успех. Он занимался разнообразной текущей работой, а также много ездил для обследования и реконструкции произведений древнерусского искусства в музеях и церквях. После ареста в 1930 году научного руководителя ЦГРМ А.И. Анисимова Олсуфьев вел и его научную тему по монументальной живописи. Он изъездил всю центральную часть России, весь Север, Новгородскую и Псковскую области. В его дневниках и отчетах описана масса произведений искусства, отмечена их сохранность, наличие записей и пробных расчисток, дана классификация по их ценности и пр.

При этом условия, в которых проходили эти экспедиции, были очень трудными. Софья Владимировна сопровождала мужа в его поездках. Транспорт, ночлег, питание им никто не обеспечивал. Один из реставраторов, ездивший с ними, рассказывал, что жизнь Олсуфьевых «поражала своей скромностью и нетребовательностью в пище, ограничивавшейся часто вареной мелкой рыбешкой и картофелем, порою даже без растительного масла».

Олсуфьев спас от гибели сотни икон, сваленных после закрытия церквей в непригодных для их хранения помещениях, обследовал состояние фресок в храмах Новгорода, Пскова, Старой Ладogi, исследовал причины заболевания фресок, разрабатывал приемы их консервации и реставрации.

Характер работы Олсуфьева мало изменился, когда в 1934 году Центральные реставрационные мастерские были закрыты – он перешел в реставрационные мастерские Третьяковской галереи на должность заведующего секцией реставрации древнерусской живописи.

Жили Олсуфьевы в то время в подмосковных рабочих поселках, в деревнях, переезжая с места на место, снимая частное жилье. Юрию Александровичу приходилось добираться до места службы пешком и пригородными поездами, заниматься огородом, ремонтом печного отопления и т.п. Возможно, такая жизнь в пригородах, «за окнами, задернутыми занавесками», делала Олсуфьевых какое-то время малозаметными. Но 24 января 1938 года Ю.А. Олсуфьева арестовали. Обвинение было предъявлено по ст.58 п.2 ч.2 – «распространение антисоветских слухов». Постановлением троки при Управлении НКВД СССР по Московской области он был приговорен к расстрелу. Расстреляли его 14 марта 1938 года.

Софья Владимировна осталась жить в поселке Косино, где Олсуфьевы купили половину дома. Деньги они получили, продав два рисунка В.А. Серова, которые им подарил художник В.А. Комаровский. Она работала в Государственном музее изобразительных искусств – реставрировала древнеегипетские саркофаги – и в музее-усадьбе Кусково, где реставрировала фарфор. Ее арестовали 1 ноября 1941 года. Власти тогда опасались, что бывшие аристократы ждут прихода немцев. Ее осудили по той же статье, что и мужа, и дали 10 лет лагерей.

Она скончалась в лагере – бывшем Свяжском монастыре 15 марта 1943 года и была сброшена в общую могилу – ров возле монастырской стены.

Сейчас в стену монастыря художник Илларион Голицын вделал две доски из белого камня: одну – посвященную своему отцу Владимиру Михайловичу, скончавшемуся в том же лагере немного раньше Софьи Владимировны, другую – ей.

М.М. Веселовская написала: «В службе всем святым в земле Российской просиявшим после обращения ко всем русским святым, прославившимся в историческом течении веков и прославивших разные части и области земли русской, после дивного перечня великих подвижников, которыми создается и прославляется Церковь русская, в самом конце службы, в 9-й песне канона есть обращение ко всем святым известным и неизвестным, явленным и неявленным. Сколько было таких святых в течение всей русской истории, подвизавшихся в неизвестности, сколько подвижников, исповедников и мучеников за последние тяжелые годы гонений на Церковь. Невольно вспоминаются эти последние слова, когда я думаю о Софье Владимировне Олсуфьевой».